

Теплые струи воды с шумом вырывались из лейки душа, обрушиваясь на Цзинь Цзяньсина и поднимая вокруг него клубы пара. Маленькая ванная комната быстро наполнялась влажным жаром, вытесняя весеннюю прохладу.

Капли стекали по рельефным мускулам, упирающиеся в кафельную стену руки натянулись до предела, а сам Цзинь Цзяньсин, застыв под потоками, просто оцепенел.

На самом деле оставалась еще одна эмоциональная неувязка, которую он так и не решился выложить Янь Цзыцзину: его собственная реакция на близость Чу Таня.

Началось все с их первой встречи, когда Чу Тань прикоснулся к его волосам, заставив все тело покрыться мурашками. Затем — та вылазка на пленэр, когда Чу Тань ни с того ни с сего сжал край его одежды, заставив сердце Цзинь Цзяньсина заколотиться как бешеное. А потом Цзинь Цзяньсин сидел перед ним на корточках, глядя, как тот наклоняется все ближе, и окончательно терял контроль над собой...

Этот неторопливый шаг... приближение... кроткий взмах влажных, чуть покрасневших век... Сладостный, дурманный шлейф дыхания... Едва ощутимое касание... Хрупкий, смятенный, невероятно нежный...

Рука сама собой метнулась вперед, сжимая тонкое запястье, обнимая гибкую, мягкую талию...

Жарко! Боги, до чего же жарко!

Чем больше он погружался в эти воспоминания, тем сильнее закипала кровь. Не выдержав, Цзинь Цзяньсин крутанул вентиль до упора. Горячая вода сменилась ледяным каскадом; сильные струи ударили по коже, лишь слегка остудив внутренний пожар.

И то — лишь ненадолго...

Что за чертовщина? Ладно Чу Тань ведет себя странно, так теперь и сам Цзинь Цзяньсин сходит с ума?

Эта дурь что, передается воздушно-капельным путем?

Последние дни все его мысли занимал исключительно Чу Тань. Цзинь Цзяньсин надеялся, что хотя бы душ прочистит мозги, но в замкнутом пространстве перед глазами настойчиво всплывал один и тот же образ. Легче не становилось — напротив, тело горело все сильнее.

Поняв, что смыть наваждение не выйдет, Цзинь Цзяньсин решил заканчивать, но, перерыв свои вещи, опешил: в спешке он забыл взять чистые трусы!

«... Мать твою».

К счастью, вскоре до его уха донесся щелчок открываемой двери.

Когда крик Цзинь Цзяньсина раскатился по всей комнате, Чу Тань на мгновение замер. Опомившись, он повернул голову и сквозь линзы очков разглядел на чужой койке нечто яркое и весьма объемное.

А Цзинь Цзяньсин слова на ветер не бросает: белье и впрямь оказалось пестрым. Похоже, чтобы вызвать у него «отвращение», парень действительно раскошелился.

Впрочем, сейчас было не до этого. Главное — Цзинь Цзяньсин просил принести ему трусы!

Чу Тань замешкался. Может, просто крикнуть, что Ван Шуай и Сюй Пэн еще не вернулись, а дверь распахнулась от сквозняка?

Но тогда Цзинь Цзяньсин снова посчитает его несносным. Неужели он настолько его избегает, что не может даже подать вещь?

Отношения в общежитии и без того трещали по швам из-за уверенности Цзинь Цзяньсина, будто от него шарахаются. Если Чу Тань продолжит в том же духе, тот окончательно разозлится...

Помявшись пару секунд, Чу Тань все же подошел к чужой кровати. Протянул руку, подался вперед, но у самого края разноцветной ткани вдруг замер.

Он взглянул на свою ладонь, обтянутую белой резиновой перчаткой.

Чу Тань всегда отличался чуткостью и вниманием к деталям.

Подавать белье в перчатках... Цзинь Цзяньсину это наверняка покажется обидным. Словно он брезгует прикасаться к его вещам. Разница между этим и прямым отказом будет невелика.

Раз уж взялся помочь — нужно сделать все вежливо и без лишних жестов.

Да, именно так... Лучше снять перчатки.

А тем временем в душевой...

«Да что они там копаются?» — недоумевал Цзинь Цзяньсин.

Где носит Ван Шуая и Сюй Пэна? Не будь в комнате Чу Таня, Цзинь Цзяньсин давно бы плюнул и решил проблему сам.

Раньше у него было два простых выхода:

Первый — выскочить нагишом.

Второй — кое-как натянуть штаны на голое тело.

Обычно он выбирал первый вариант, потому что натягивать одежду без белья — сомнительное удовольствие: все болтается и натирает до полусмерти.

Но сейчас ни один из вариантов не годился.

Потому что снаружи находился Чу Тань!

Дело было не в стеснении — в конце концов, оба парня гетеро, стесняться нечего. Но Чу Тань и без того относился к нему с брезгливостью. Представить только, как вытянется его лицо, если Цзинь Цзяньсин вывалится наружу абсолютно голым или с болтающимся под штанами «добром».

Цзинь Цзяньсин буквально наяву видел этот взгляд: Чу Тань первым делом накинёт капюшон, побледнеет от отвращения, демонстративно отвернется и с поджатыми губами уткнется в свои чертежи.

Чу Тань вообще легко выходил из себя, а частые обиды никому не идут на пользу.

Чтобышний раз не травмировать трепетную душу соседа, Цзинь Цзяньсин даже установил для Ван Шуая и Сюй Пэна строгое правило: вернувшись с тренировки, немедленно отправляться в душ, причем делать это демонстративно, на глазах у Чу Таня. Грязные носки менять сразу же, не копя горы вонючего белья. А если лень стирать — покупать у Не Жуня с Не Чжэнем одноразовые. Главное — не заставлять чистюлю Чу Таня испытывать дискомфорт.

Из-за этих мер их комната превратилась в эталон стерильности.

Так что Цзинь Цзяньсину оставалось лишь стиснуть зубы и ждать. К счастью, вскоре снаружи раздались мягкие, тихие шаги.

Едва слышное шуршание приблизилось и остановилось у самой двери. Последовал осторожный, деликатный стук, и дверная ручка плавно повернулась.

Раздвижная дверь душевой приоткрылась лишь на крошечную щель.

Ровно настолько, чтобы просунуть узкую ладонь. Будь на ее месте широкая пятерня Цзинь Цзяньсина, она бы там попросту не пролезла.

Глядя на эту узкую щель, Цзинь Цзяньсин еле сдержал вздох.

Ван Шуай и Сюй Пэн совсем свихнулись? Тоже решили поиграть в загадочность, как Чу Тань?

Обезьянничают? Да разве у них есть утонченная красота Чу Таня или его хрупкая фигура? Нашли время строить из себя таинственных незнакомцев!

У Цзинь Цзяньсина и так голова пухла от мыслей о Чу Тане, а тут еще эти два идиота подливают масла в огонь. Чу Тань в таких ситуациях выглядел загадочно, а они — просто дураками!

И все же он заставил себя терпеть. Люди ведь делают ему одолжение, надо проявить элементарную вежливость.

Ладно, черт с вами, играйте в свои глупые игры, только побыстрее.

Спустя еще пару секунд из узкой щели наконец показались белые, изящные пальцы. Указательный палец цеплял край широких пестрых трусов, огромный треугольник которых контрастировал с миниатюрной кистью.

Яркая ткань слегка провисала на пальце, пока рука мелкими, осторожными движениями пробиралась внутрь...

Цзинь Цзяньсин сам не понял почему, но эта кисть показалась ему странно знакомой.

Особенно этот тонкий палец, держащий его гигантские трусы рядом с узким, изящным запястьем... Семя смутного, необъяснимого искушения вдруг проросло в душе, притягивая взгляд.

А за дверью Чу Тань уже готов был сгореть со стыда. Его лицо пылало густым румянцем, который пробивался даже сквозь строгую оправу очков.

Разноцветные трусы Цзинь Цзяньсина... оказались просто гигантскими!

В сложенном виде на кровати они казались обычным куском ткани, но стоило расправить их... Пресвятые угодники, это размеры нормального человека?! Это же плавательные шорты на слона!

К тому же Чу Тань простоял с вытянутой рукой уже целую вечность. Почему Цзинь Цзяньсин копается, если сам только что орал и требовал спешки?

Парню-гею подавать трусы парню-гетеро — и без того неловко до крайности, мысли в голову лезут самые двусмысленные, а тут еще Цзинь Цзяньсин тянет время.

Чу Тань уже решил было просто повесить белье на дверную ручку и уйти.

Но тут изнутри раздался хриплый, охрипший от внутреннего жара голос:

— Чего копаешься? Засовывай быстрее!

В следующую секунду Чу Тань ощутил, как его запястье сжала горячая, мокрая ладонь. Рывок — и его вместе с цепляемым бельем потянуло вперед.

Чу Тань, так и не решивший, углубить руку или сбежать, ахнуть не успел, как потерял равновесие.

Дверь душевой, едва приоткрытая до этого, с грохотом распахнулась под диким натиском изнутри!

Абсолютно голый, мускулистый мужчина предстал перед Чу Танем во всем своем великолепии.

Крупный кадык на мужественной шее судорожно ходил вверх-вниз. Смуглая кожа блестела от капель воды, стекавших по рельефным мускулам — от широких плеч к узкой талии, уходя все ниже, к самой сокровенной, нескромной зоне...

Жар, исходящий от его тела, казалось, растоплял воздух, заставляя воду испаряться с кожи клубами пара.

Чу Тань думал, что гигантские трусы на его пальце — это нечто выходящее за рамки нормального. Но уставившись перед собой, он понял, что то была лишь верхушка айсберга...

Внушительный термос и большой чайник возвышались прямо перед его лицом — на расстоянии какого-то сантиметра!

Цзинь Цзяньсин замер не меньше его.

Вместо ожидавшихся Ван Шуая или Сюй Пэна перед ним стоял тот, чей образ весь день не выходил из головы — ледяной красавец Чу Тань.

Он стоял вплотную, готовый упасть прямо в его объятия. Влажный пар окутал их обоих, оседая каплями на густых ресницах Чу Таня.

Алые, изящно изогнутые губы сжимали белоснежную резиновую перчатку, наполняя рот. За темной оправой очков широко распахнулись влажные, изумленные глаза-полумесяцы. Бледные щеки пылали густым кармином, точно бутоны пиона, распустившиеся в весеннем саду...

И эта холодная строгая оправа лишь подчеркивала порочную, сбивающую с ног чувственность — будто неприступный праведник поддался искушению и пал с небес на землю!

Они стояли лицо к лицу, точь-в-точь как во время того опроса на пленэре. Едва улегшееся сердцебиение Цзинь Цзяньсина вновь сорвалось в оглушительный бег.

Бешеный стук глухо отдавался в ушах — то ли его собственный, то ли Чу Таня.

В этой туманной, пьянящей атмосфере Цзинь Цзяньсин почувствовал, как волна жаркого, неукротимого вожделения накатил из самого низа живота. Его термос и большой чайник, доселе мирно дремавшие, словно услышали призывный горн и подмяли под себя все разумные мысли. Вскинулись, точно суровый полководец перед решающим боем...

Гордо, несокрушимо, готовые к броску...

В этот самый миг входная дверь общежития с грохотом распахнулась. В комнату с веселым хохотом ворвались Ван Шуай и Сюй Пэн, держа в руках стаканчики с кофе. Но их радостные вопли мгновенно застряли в глотках, а руки с американо для Цзинь Цзяньсина и моккачино для Чу Таня замерли в воздухе...

В следующую секунду оба одновременно разинули рты и с диким, душу раздирающим визгом выскочили обратно в коридор, успев наступить друг другу на ноги и захлопнуть за собой дверь.

И на фоне этого безумного хлопка дверей в кармане брошенных брюк Цзинь Цзяньсина оглушительно зазвонил телефон...

[Цзиньмань Тянься: Я вычислил! Я все вычислил! Я понял, почему Чу Тань от тебя шарахается!]

[Цзиньмань Тянься: Я понял, почему он только с тобой ведет себя так странно!]

[Цзиньмань Тянься: Это кармическая связь из прошлой жизни, роковой узел настоящего! Королева Кубков, Рыцарь Мечей... тригонометрия, теорема Пифагора!]

[Цзиньмань Тянься: Не распутать, не разрубить! Хочешь сказать — да губы не слушаются, хочешь открыться — да голос пропадает! О-хо-хо-хо~~~]

<http://bllate.org/book/20661/2131049>